Кончаловский Андрей

09.08.97

Андрей КОНЧАЛОВСКИЙ:

"К соотечественникам, которые преуспели, в России всегда относились враждебно"

БЛУДНЫЙ СЫН

Он всегда был дерзок и непохож. Он держался особняком даже в пределах семейного клана. Фамилию взял другую. Будто подчеркнул — я отдельный.

Не вписался он и в амплуа бархатного вольнодумца, столь уместное для человека его происхождения. В дилемме "амбиции или лояльность" он выбрал амбиции.

Сын поэта, написавшего гимн СССР, покинул Родину. Тогда многие уезжали. Но ему удалось невозможное. То, что не удавалось ни одному советскому режиссеру ни до, ни после. Он сделал карьеру в Голливуде. Не местечковый бизнес, а настоящую, мировую карьеру. Сумасшедший для русского успех — прочное место под голливудским солнцем, призы в Канне и в Сан-Себастьяне. Сценарий Акиро Куросавы, три номинации на "Оскар", работа с Копполой, Сталлоне, Вупи Голдберг... Теперь вот — самый дорогой проект за всю историю мирового ТВ — телесериал "Одиссей" по Гомеру.

Его пресс-секретарь четко рассчитала количество минут, отведенных для интервью. Я переступила порог московского офиса Андрея Кончаловского. Время пошло.

— Откуда появилось имя Андрон и почему вы взяли фамилию Кончаловский?

— Это две разных истории. Андроном меня прозвал дедушка. У нас в доме всегда очень ценились сибирские традиции — это от Сурикова. **(Василий Суриков — прадед Кончаловского. — К.П.)** В Сибири казаки часто использовали это имя. И вот, чтоб придать мне дополнительную мужественность, в четыре года меня прозвали Андроном. Поэтому для близких я Андрон, это мое домашнее имя. А для всех остальных я — Андрей. А Кончаловский возникло потому, что очень много Михалковых было в кино в свое время. Никита начал работать, Сергей Владимирович писал сценарии. Поэтому я решил взять фамилию матери как псевдоним.

— Рассказывая о своем "Одиссее", вы заметили, что эта история — как бы метафора жизни. И судьба каждого человека — это дорога к дому. Куда идет ваша дорога и где ваш дом?

— Понимаете, дом — это тоже метафора. Куда бы я ни шел — это дорога к дому. Мой дом может быть в Америке, потом все меняется, и он становится в России или в Провансе. Я еще не вернулся домой. В общем-то, значение "вернулся домой" — это как бы уход на покой. А у меня сегодня дом находится там, где я работаю, он путешествует вместе со мной. Вместе с фотографией мамы, детей и иконкой Андрея Первозванного, которую носил когда-то Суриков.

Конечно, возвращение к детям сейчас очень важно. Дети в Москве, но я работаю в Америке...

— Я знаю, что когда-то великий русский актер Смоктуновский встал перед вами на колени.

— Да, было такое — на сцене Ленинградского дома кино. Мы сделали наш фильм "Асю Клячину" и привезли его в Ленинград. Вообще "Асю Клячину" показали всего два раза, прежде чем запретить. Второй раз — в Москве, где было обсуждение и где ее гробанули. Народные артисты, кстати. Столяров выступал очень резко. Но в Ленинграде она произвела оглушительное впечатление, со Шкловским на сцене похорон деда случился сердечный приступ. Тогда еще не привыкли видеть правду на экране. Я имею в виду не какую-то чернуху, а просто правду жизни — люди одеты, как крестьяне одеваются, говорят языком не театральным, а простым. Тем более что все они были не артисты. Ие Саввиной, игравшей главную роль, было довольно сложно смешаться с неактерами, которые живут абсолютной правдой чувств. Шел 64–65-й год, кино было, сами знаете, — "Кубанские казаки", эстетика деда Щукаря, такой театральный кинематографический колхоз. А здесь были просто бабы, зубы у них были неважные, руки-ноги в земле, которая въелась под ногти так, что уже не отмоешь.

— Когда вы набирали в картину этих деревенских людей, которые не были актерами, вы шли, наверное, на определенный риск...

— Конечно. Но я ж был наглый тогда. Что я снял до этого? Всего одну картину, она получила премию в Венеции и так далее. Молодой человек, уверенный в своих силах, — а обычно в молодости все уверены в своих силах. Тогда были сомнения более важные, доминирующие.

— Как вы работали с этими людьми?

— Главное — достичь результата, а какими средствами он достигается — это всегда разница. С Кешей Смоктуновским надо было работать по-одному, с Бондарчуком — по-другому, а с электромонтером из Суздали — по-третьему. Одному надо сверхзадачу поставить, другому сказать, что он иссяк как артист, и это ему дает адреналин и желание работать. А третьему, может быть, надо сказать: "Да ты не играй ничего. Вот что думаешь, то и говори". Это абсолютно разная техника. Я вот, например, когда снимал деда — там есть такой исповедальный монолог деда, который сидел в лагере, он тоже не артист — мы просто поставили три камеры, сели в пивной, выпили, закусили. Я включал камеры сам, у меня внизу был пульт. Человек стал рассказывать свою жизнь и забыл о камерах. Это то же, что снимать документальное кино или репортаж, но знать, что в результате все элементы соединятся в художественную ткань.

— Расскажите о вашей дружбе с Тарковским. Мне сложно представить себе двух крупных режиссеров, работающих вместе... (Вдвоем они написали сценарии к фильмам Тарковского "Каток и скрипка", "Иваново детство" и "Андрей Рублев". — К.П.)

— Да, но я еще не был режиссером тогда. Я был студентом, учился, становился. Но как только я встал и заявовать, что я не поддаюсь нажиму. Такие конфликты обычно в Америке кончаются разрывом. Или режиссер должен понять, где его место, и аккуратно выполнять то, что требуется. Большинство режиссеров так и делают.

— Вы ушли, не завершив съемки. Тем не менее в титрах вы значитесь как автор фильма. Почему?

— Есть законы авторского права и законы гильдии режиссеров. Я член этой гильдии. И если определенный процент картины — а я снял более двух третей — снят мной, то мое имя автоматически встает в титры. А имя того, кто доснимал, не встает. Наш конфликт был творческим. Там был перерасход, нашли удобный повод. И я сам был очень рад, потому что я сделал все, чтобы уйти из картины. И оставить свое имя.

— Мне хотелось бы поговорить о вашей семье. Я имею в виду семью Михалковых. Многие считают, что отношения с отцом у вас сдержанные и чуть ли не натянутые. Это так?

— У меня был момент, когда отношения с отцом были очень напряженные. Когда я студентом был, мыслил весьма либерально. Хрущев, оттепель, десталинизация... Я уже был продуктом новой эпохи, в то время как отец, человек эпохи сталинской, был осторожен и очень боялся неприятностей. Он требовал, чтобы я вел себя так, как ведут при сталинизме. То есть — имей свои мысли, но молчи. А у меня был открытый рот, я болтал все, что думал. Он страшно нервничал, и у нас были стычки. Они начались, когда наши войска вошли в Венгрию. Я слушал "Голос Америки", он был от этого в ужасе. Поскольку он любил меня очень, он за меня боялся. Вот и все.

— Как он отреагировал на ваше решение уехать в Америку?

— Катастрофа. В доме была катастрофа. Он всегда думал, что я попаду в лапы к американской разведке. Я ему говорю: "Кому мы с тобой нужны?! Ни ты никому не нужен, ни я. Им нужны атомные физики, работники разведки, дипломаты. А ты пиши детские стихи и забудь". Он думал, что его везде подслушивают. Так устроен человек, который прожил двадцать лет в терроре. Хотя наверняка многое действительно подслушивалось. Он ведь был в том списке, который готовился к репрессиям в апреле-мае 53-го года. То есть он был на очереди, но умер Сталин. Поэтому я могу понять его настороженность, но мне тогда было безразлично. Это был естественный конфликт отцов и детей.

— А как складывались отношения с Никитой в юности?

— Юношеские отношения обычно складываются как? — есть старший брат, который командует, и младший брат, который выполняет команды. Сходи за сигаретами, сбегай за водкой, принеси зажигалку. Когда стал постарше, уже допускали его посидеть у двери. Андрей Тарковский был в той компании, Гена Шпаликов, Женя Урбанский. Никите было 14-15 лет, и это был, так сказать, верный оруженосец, преданней моего брата у меня никогда никого не было. Но это типичные отношения для братьев.

— Я слышала, что он где-то у вас в женской роли снимался?

— Да, снимался в моей первой картине. Это описано в книге, которую я сейчас закончил, она называется "Низкие истины". Я тогда попросил Никиту разбудить меня на утреннюю съемку, а он проспал. Я его за это поколотил. Выехать мы должны были в четыре, выехали в полшестого. Актриса нас не дождалась, Никита надел туфли на высоком каблуке и шубу, задрал брюки, чтоб были голые ноги. И шел. А я ему кричал — виляй бедрами. Он был в слезах весь и в соплях, потому что мальчишка, а я его поколотил просто-напросто. Безжалостная это вещь — старший брат. По крайней мере, у нас отношения были достаточно безжалостные. Старший брат — абсолютный авторитет. Непререкаемый.

— У вас была в жизни главная женщина, женщина всех женщин?

— Главная женщина для русского мужчины — это его мать. Поскольку мать не выбирают. Как и родину. А остальных женщин выбирают, и иногда выбор оказывается неправильным. Что-то расходится, отношения распадаются. Я по своей природе люблю путешествовать, причем путешествовать один. Я вообще бродяга. Люблю возвращаться, но люблю и уезжать. В общем, я человек независимый. Очень часто это доставляет определенного рода трудности, потому что никто никогда не знает, когда я уеду и когда я вернусь.

— Елена Кореневa рассказывала о вашем неискоренимом эгоцентризме. Случалось ли вам когда-нибудь зависеть от женщины, подчиняться ей?

— Нет, подчиняться — никогда. Большинство моих женщин, за исключением разве что Ширли Макклейн, были намного младше меня. И я всегда был учителем. И в жизни, и в работе. Мне подчинялись и меня слушали.

— Я не знаю, видели ли вы фотографию Кореневой в костюме Евы на обложке "Спид-Инфо", но если видели — какие эмоции она у вас вызвала?

— Нет, я не знал об этом и никогда не видел этой газеты. Хотя что в этом такого? Понимаете, это же не... Если б она убила кого-нибудь — я понимаю. А это такая вещь, ну снялась и снялась, все уже забыли об этом. Я вообще считаю, что человек должен делать то, что ему нравится. Ей захотелось так сфотографироваться — значит, она сделала правильно.

— Каков сейчас ваш личный статус?

— Я женат, жена — бывшая телеведущая, у нас двое маленьких детей. Семья живет в Москве.

— А как зовут вашу жену?

— Мы с ней договорились, что я не буду упоминать ее имя в прессе.

— Сколько раз в общей сложности вы были женаты?

— А вот это никого не касается.

— Скажите, вы действительно считаете зависть самой характерной чертой русского народа? Я это в аннотации к вашей "Курочке Рябе" вычитала.

— Не самой, а одной из самых характерных. У каждого народа есть свои достоинства и недостатки.

На стене над рабочим столом пришпилен листочек с цитатой: "Я весь мир объездил, многих людей видал, но таких завистливых, как русские, — никогда. О чем бы речь ни шла, даже несчастьям — всему завидуют. А.Зиновьев" (русский писатель, социолог, высланный из России, автор нашумевшего романа "Зияющие высоты", проживает в Германии. — Ред.)

— Но откуда эта уверенность? Какие события или наблюдения стали для нее поводом? Не на основании же чужих мыслей...

— На своем собственном опыте. Но время моих разочарований прошло. Вообще зависть — это качество, присущее крестьянскому сознанию. Это идет из средних веков, есть серьезные анализы, посвященные тому, что такое крестьянское сознание и как оно отличается от сознания пролетарского и так далее. Россия — крестьянская страна. Всегда была и до сих пор остается. Крестьянскому сознанию свойственно враждебное отношение к успехам других. Крестьянин в принципе всегда окружен врагами. Только твоя семья — это главное, все остальное — источник опасности. Поэтому у крестьян нет социального самосознания. Крестьянин голосует из-под палки, для него правительство где-то там, и оно ему враждебно. Ему прикажут — он сделает. У крестьян не бывает революций, у них бывают бунты.

— Я так понимаю, что толстовская философия вам чужда. Платон Каратаев, добрая народная душа, всепрощающая...

— Платон Каратаев — замечательный характер. Такие тоже существуют. Но не могу сказать, что крестьяне сплошь состоят из Каратаевых. Если б они состояли из Каратаевых, не было б самопалов и не жгли бы фермеров сейчас. Чувствуете — как относятся к людям, которые преуспели. Везде в России к людям, которые преуспели, относятся враждебно. В России не любят богатых. В Америке богатых любят, там к преуспевающим людям относятся с уважением. Это объясняется другим менталитетом, в частности религией. В православии — бедность не порок. А богатые — грешники. В то время как протестантская религия говорит: бедность — это порок, если ты беден, значит, ты плохо работаешь — тебе Бог не подает.

— Как вы думаете, почему ваш отец отказался написать басню о русской зависти? Вы ведь ему предлагали эту идею.

— Не знаю, наверное, образ не сложился. А у меня, когда я приехал в Россию, — сложился. Потом я подумал, что будет замечательно снять картину "Курочка Ряба" по мотивам, как бы по следам "Аси Клячиной".

— Если это было своего рода продолжение, почему произошла смена актрисы и снималась не Ия Саввина, а Инна Чурикова?

— Я Ие Саввиной предлагал, но она отказалась. Ей не понравился сценарий. Ей показалось, что он показывает русского крестьянина в нехорошем свете, что все это антирусское. Знакомая формулировка — "Курочка Ряба" картина антирусская. Тридцать лет назад "Асю Клячину" заклеймили как антисоветскую картину. В таком случае Гоголь — весь антирусский. И "Ревизор" или "Мертвые души" — это просто пасквиль. А великий художник был!

— Я вот помню ваше интервью в первые дни путча 91-го года. Видела по телевизору. Вы тогда спешно уезжали из страны и сказали — да, я уезжаю из этого дурдома, потому что хочу покоя и безопасности для себя и своих близких. В тот же, по-моему, день в Москву приехал Ростропович. Как бы вы поступили сейчас, случись что-нибудь подобное?

— Я бы уехал. Конечно, уехал. Во-первых, я не считаю себя политическим деятелем. Во-вторых, Ростропович — мировая величина, у него в друзьях испанский король и президент США. Ростропович — романтический, я бы даже сказал, авантюрный человек, я ему завидую.

— Вы, стало быть, не романтик.

— Я, может быть, и романтик, но не до такой степени. Я не думаю, что я мог бы идти на баррикады. Это не мое. Я предпочитаю снимать свое кино, я никогда не лезу в политику. У меня есть концепция определенная, понимаете? И с начальством не дружил никогда. Моя бабушка говорила — кого жалуют цари, того не жалуют псари. Поскольку при каждом государстве есть псари, я предпочитаю заниматься тем, что у меня получается.

Это все. Мое время кончилось. Мы пожимаем друг другу руки. На прощанье он широко улыбается. У него уверенная улыбка преуспевающего человека.

Его талант нарасхват. Его премиям несть числа. Он носится по миру, как реактивный. Сейчас он снова в Москве. Он посетил сей град, можно сказать, в его минуты роковые — в день неминуемого 850-летия на Красной площади развернется действо. Режиссуру открытия праздника доверили Андрею Кончаловскому. Говорят, это будет нечто грандиозное.

Катя ПРЯННИК.

Фото Влада ЛОКТЕВА.

Моск. комсомолец. — 1997. — 9 авг. — с. 2.

104